

Ф. Д. Киссельгоф

Èpatage*

* Эпатаж

Ф. Д. Киссельгоф

Èratage. Стихи Проза Зарисовки

«Издательские решения»

Киссельгоф Ф. Д.

Èratage. Стихи Проза Зарисовки / Ф. Д. Киссельгоф —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832953-1

Сборник представляет собой продукт больного воображения человека, который видел то, что лучше не видеть. Перемешанное с алкоголем, молодостью и стуком сердец, творение оставляет неоднозначное впечатление. После прочтения сжечь.

ISBN 978-5-44-832953-1

© Киссельгоф Ф. Д.
© Издательские решения

Содержание

Стихи, проза, зарисовки	7
Беседа с ангелом	7
«Воочью я видел то, о чем писали в книгах...»	8
Подсолнухи	9
Другу	10
Ода городу	11
У барной стойки	12
Внутри	13
Ода к ангелу	14
Исповедь	15
Январь	16
«Холодное лето дождями очистит их души...»	17
«Окутан туманами, соткан мечтами...»	18
Угли	19
Лилия	20
Она	21
Скажи мне, поэт...	22
Людам	23
Титаник	24
Юле	25
Один	26
Милая, я вам не нужен...	27
Я воспитан под куполом серым...	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Épatage

Стихи Проза Зарисовки

Ф. Д. Киссельгоф

© Ф. Д. Киссельгоф, 2016

© Александр Лопатин, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-2953-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпата́ж (фр. *épatage*) – умышленно провокационная выходка или вызывающее, шокирующее поведение, противоречащее принятым в обществе правовым, нравственным, социальным и другим нормам, демонстрируемое с целью привлечения внимания. Свойственен авангардному, и отчасти модернистскому искусству, однако относится «к внеэстетическим и тем более к внехудожественным реакциям».¹

Слово «эпатаж» соответствует жаргонному фр. *épatage*, «подножка» из русского выражения «дать/подставить подножку». Слово приводится в словарях аргос, отсутствует в литературном французском, образовано от глагола фр. *épater* – ошеломлять, приводить в изумление (буквальное значение – «отколочь ножку [рюмки]»). Жаргонизм появился во Франции около 1835 года; в русский язык слово вошло в XIX веке вместе с желанием фр. *épater les bourgeois* («ошеломить буржуев»), которое проповедовали французские деятели искусства 1830-х годов. Во многих языках, включая английский, слово не имеет эквивалента.¹

«Скандал как частое следствие новаторских устремлений трансформируется в эпатаж – самопровозглашённую причину художественных поисков. Если поиск нового нередко влечёт за собой скандал, то поиск самого скандала, соответственно, ведёт к новым открытиям».

И. К. Вовчаренко

«Скандал есть изнанка человеческой души».

Ф. Д. Киссельгоф

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их на хер...
Не умру я, мой друг, никогда².

Моих стихов кровавый стейк,
Высокий, как Empire State,
Многоэтажный эпатаж,

¹ Материал из Википедии – свободной энциклопедии

² С. А. Есенин «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» (1922)

Жестоких драм больной кураж,
Сердец прекрасных дам купаж,
На фоне – питерский пейзаж³.

³ Ф. Д. Киссельгоф «Èratage» (2015)

Стихи, проза, зарисовки

Беседа с ангелом

Угасая внутри, тает раскаленный ветер,
Закат рисует за меня стихи,
а город ждет рассветов,
Снова пустая комната, Вагнер играет где-то,
Мне лень терпеть тебя, холодный летний вечер.
Мы изменяем мир, нас изменяют люди,
Заменит ли когда-нибудь покой мне быстрый бег?
Постой. С тобою мы давно решили вроде,
Кто гений мысли, а кто – просто человек.
Но кто решил за нас полуночные споры?
Там, где вино мешается с дождем,
Желать мне хочется забыться меж прохожих,
Жить, оставаясь вечно молодым.
В аллеях парка – ожидаемый финал событий,
Чего-то ждем, а мысли вянут
в предрассветной мгле,
Чертовски жаль, что мы с тобой уже не дети,
Лети наверх, а я останусь на земле.

Лето 2012

«Воочью я видел то, о чем писали в книгах...»

Воочью я видел то, о чем писали в книгах,
Признай, мы будто сотканы из сотни чувств,
Разбей на части нашу жизнь, словно посуду,
Смахнем печаль и дальше свой продолжим путь.
Рисуй со мною сновидения, дорогая!
Мы думаем, взволнованно дыша,
А думать легче, чем найти слова порою,
Ломая предложения в устах.
Своим стихам я задаю манеру,
Ритмично двигаться по заданной оси,
Сегодня – в меру пьяный слог поэта,
Быть может, завтра – мудрец я во плоти.
И тот огонь внутри – его не загасить,
Паршивый стиль, сумбур, безвкусица,
Зови, как хочешь, ты мои стихи,
Я вылью на бумагу то, что просится.

Подсолнухи

Ты слышишь шорох, от которого мороз по коже?
Ты видишь, как за городом рождается рассвет?
И этим летом происходит все случайно,
От самого себя никто не совершал побег.
Бежал и я, но, как оказалось, тщетно,
Тщеславие долой, я скидываю спесь,
Пусть тихо и для многих незаметно,
Но здесь, сейчас, я – такой, как есть.
Стою, представляешь, пьяный, бессовестный,
Читаю вслух свои стихи,
И сегодня они – как подсолнухи,
На просторах моей души.

Другу

Осень шуршит под ногами листьями,
А ещё теплыми чувствами где-то забытыми,
Скажи, кому ты нужен там со стихами в Твиттере?
Ты нужен здесь под градусом,
не попадающий в ритм.
Ты нужен здесь, ведь мир тесен становится, если
Есть души, что ценят момент, когда весел,
Бываешь ты, помнишь, тогда, на рассвете?
Мы долго сидели на крыше, как дети,
Рисуя мечты,
Растворялись в букете лозы виноградной,
бутылка за двести?
Как это банально.
Но мы ведь вернемся туда, обещаю мне,
И сколько там лет пройдет мимо – не важно,
важно чтоб были мы вместе,
Однажды.
Лондон, Ванкувер, Нью-Йорк... не плевать ли?
Лишить наши души огня невозможно,
а память не выжечь деньгами, я знаю,
Так что, надеясь, что свет мы потушим,
они просчитались – будем под облаками!
Плесни мне немного, тогда я продолжу,
хотя основное уж сказано было,
Я все же добавлю: такая вот осень,
в бокале до края, и ливень, как Моцарт,
Мы в мыслях атланты:
брат, сколько хотим – отдавать сколько просят.

Ода городу

Ода городу голосом, как на проводах,
Много не сказано было той,
на другом конце провода,
Нева уносила прочь прошлое, мысли – в омуты,
Желтые листья мешались с тревогой
временами года.
Горазд плести басни —
плесни по крепче при плохой погоде,
Укрой поэта, город, в логове
своей бетонной природой,
Ради славы ли, ради денег ласкаем твои пороги,
Любовь с вином мешаем твоими притонами, город.
Окраина, центр —
внутри навсегда гордый вид этого города,
Редко, правда, отдаст тепло тебе,
оно ему отчего-то дорого,
Забавно... мы такие разные,
а я винил себя во всех, что были, невзгодах
Со вздохом: «...Все твои кошки разной породы,
северный город».
Как у Есенина, девушка в белом была,
я бы с этим не спорил,
В белом... а теперь я люблю в голубом,
ты меня слышишь, город?
Самый родной и самый чужой,
в моем сердце оставил осколок,
Город, ты знаешь меня, я почти знаю тебя,
я – дальше, без остановок.
Качая бедрами, девушка Осень
заходит без спросу к нам,
В комнате душно, дымятся мысли мои папиросами,
Свободно так – вдох, еще один...
Но тяжело в твоих сотах, город,
И в сотый раз прошу: приходи во сне ко мне,
пока я пьяный и молод.

У барной стойки

Откровения у барной стойки,
Уже не я напротив глупостей наделал столько,
Уже не я с бокалом смотрю в глаза тебе,
покачивая торсом,
Я наглым взглядом в кабаке
красотку провожаю в красном,
Теперь я в стельку пьян —
кривить душой напрасно,
Снова коверкаю холсты свои горячим маслом,
Разум... ну разумеется, при мне,
и все же ты – прекрасна,
Как не крути, какой-то тип, паяльником впаял тебя,
Сон, словно видео, где я и ты, мы вместе навсегда,
Ты понимаешь, как опасно?
Спасайся от огня, беги,
Останься запахом своих волос и в памяти улыбкой,
Быстрее, пока я молод, пока пылает спичка,
Я не плачу, пока что просто нечем,
И ты не плачь, красотка,
Я просто первый встречный.

Внутри

Эта весна придет для нас с тобой,
Наша весна всегда останется весной,
Снова и снова поцелуй на твое лицо,
Скажи, как можно быть счастливой с подлецом?
Глупец, цитируя других глупцов,
Цепляется за чей-то лепесток,
Мне опостылел внутри меня еще один,
Хотя запал и не остыл, но путь ли проходим?
Ты думаешь, простишь себе меня тогда?
Так много лиц вокруг и танцев... но, открыв глаза,
Лишь тишина, лишь только я и сигаретный дым,
Любовница-тоска и я один.

Ода к ангелу

Твой образ в сновидениях рождает
Приятный жар внутри моей груди,
Я не художник и не скульптор, созерцая,
Я высекаю строками твои небесные черты.
Эти глаза я не сравню с красотами планеты,
В них вижу космос, пламя звезд и лед комет,
Я – эгоист, и взволновать мне сердце сложно,
Но непохожий на другие взгляд твой
Заставляет всё внутри меня гореть,
«Я – независим», – тот весомый аргумент,
Разбитый глупым чувством в пух и прах,
Неловко пред самим собой —
я не терплю ошейников и связок,
Рассудок холоден,
но мне рисуют мысли образ твой —
Танцующий огонь в руках,
Адаму отказаться от плода ведь тоже
было невозможно.
Я не прошу,
Мне ничего не надо против воли,
Слишком большой процент я возлагаю на мечты,
Стихи тебе, мои стихи – скорее ода
Твоей лукавой двусторонней красоте,
Так много «Я» в этих стихах,
Что нарисованы тебе одной,
Так много сможешь в них найти ты
моего тщеславия,
Мне говорили: «Твое сердце, скованное льдом,
Способен растопить лишь ангел,
посланный из рая...»

Декабрь 2012

Исповедь

Насквозь пропитанные желчью,
Сарказмом, лестью и тобой,
Свои стихи хотел бы сжечь я,
Сжечь и развеять над Невой.
В железо сердце облачась,
Почуяв свежий залп ударов,
Так жадно требует меча,
Мне грудь на части разрывая.
Сегодня пьян, но запахом твоих волос,
Пламенем губ и соком поцелуев,
Подлец без чувств и глиняный колосс,
Любовь приват внутри меня станцует.
Может, я лгу? Притом сам же себе,
Но лгать тебе, поверь, не стану,
Руками в саже, нежной розы аромат,
Хваткой стальной сжимая стебель, я вдыхаю.

Март 2013

Январь

Январь.
Снег, превращаясь в воду, тает на губах,
Вдали, прижавшись к небосводу – игла,
Презревший непогоду, могучий город
В руках гранитных качает колыбель Невы,
Мне кажется, во сне и наяву,
Хотя я редко вижу сны,
Как режут тысячи огней ночную тьму,
Там, за стеной метели, на мосту
Чугунные фигуры на посту,
Остановив коней на всем скаку,
Кусками строк пробившись сквозь пургу,
Шагами меряя судьбу, мимо Гостиного иду.

«Холодное лето дождями очистит их души...»

Холодное лето дождями очистит их души,
Развернутый лист в мокрых дрожащих руках,
Мы те, кто вряд ли научится свыше слушать,
Доколе на сердце не бросит вуали страх.

«Окутан туманами, соткан мечтами...»

Окутан туманами, соткан мечтами,
Пропитан ли дымом, воспет ли, забыт,
Обманут ли дамами, измятыми спальнями,
Домами, одетыми в серый гранит.
Остаться таким же – рисованным планами,
А может быть, вспыхнуть, как пламя свечи?
Пропасть ли по барам в стаканах с грехами,
Или с путанами жизни тщету обрести?
Игра вариаций, где стоит меняться,
Подняться и взглядом пронзить облака,
Спасибо всем тем, кто был рядом когда-то,
«Казаться» для них я готов был всегда.
Казалось, люблю и пытался быть другом,
Но был не собой и жил не своей,
А чьей-то придуманной жизнью,
Сжигая,
Фитиль пролетающих солнечных дней.
То, что было, – не выжечь,
Порой с сожалением,
Порою с тоскою, обжечься боясь,
Я вспоминаю и твердо ступаю
В свой новый, сыплющий искрами век.
Меняться, остаться – решение за Вами,
Спасибо за Вами оставленный след,
Улыбка.
Я ворот пальто поправляю,
Кинув из окон высоких
взгляд на Невский проспект.

Угли

Прошло уже много времени,
А угли все тлеют внутри,
На озере плавают лебеди,
Верни мне все мои дни.
Ты помнишь, октябрьский вечер
Сорвался с большой высоты,
Чувства давили на плечи мне,
Раздавливая цветы.
Помнишь, бокал мартини,
Как ты допила не спеша,
Милая, ты уж прости мне,
Но вместо мартини – моя душа.
Я забывал, убегал, топил тебя,
Жег и стирал, разрывал на куски,
Чтобы ни делал, пока что не справился,
Внутри теперь бьется кусок мерзлоты.
Да, я – мечтатель, еще один Гэтсби,
Заливая покрепче, я вылью стихи,
Найду твое сердце на дне Атлантиды,
Мой идеал, ты за мысли меня не суди.
Да, ты, наверное, стала другая,
Но для меня ты та же во снах:
Девчонка на школьном пороге в мае,
Черная юбка и зелень в глазах.
Сейчас ты с другим, не знаю, с которым,
Да и я поменял уже много подруг,
Но мы не забудем пляжи Испании,
Пока за ребрами нашими слышится стук.
Сколько еще предстоит пройти нам?
Сколько судеб предстоит сплести?
Мы же в ответе за тех, кого приручили,
Отче, прости мне мои грехи.
Прошло уже много времени,
А угли все тлеют внутри,
На озере плавают лебеди,
Оставь себе все мои дни.

Лилия

Мне нравится, как звучит твое имя, Лилия,
Алкоголь осыпает мозги, как рошу сентябрь, Лилия,
Я выдыхал розы, не давай мне в руки лилию, Лия,
Пусть в этот раз змея промажет мимо, Лия.
Ликера потом может не хватить для мира, Лия,
За ребрами кусочки льда не соберутся воедино,
Гепард-готов-к прыжку-успей-спустить-курок, Лия,
Кто-то должен нажать на стоп, слышишь: ты или я.
Легкими: стихи на выдохе, флирт – на вдохе,
Кто-то не курит, для кого-то любовь – папиросы,
Я бы посмотрел, как выгнешь спину,
откинув волосы,
Как растут зрачки, когда ты стонешь в голос.
Разреши мне называть тебя Лолитой, Лилия,
По Фрейду мои мысли-камасутра: «Лили и Я»,
Липкий яд, не ты для меня, карие глаза,
Лишь грани стакана и лира – сука моя.
Где-то шумит океан или играет заря,
Где-то кончики пальцев держат свинец у виска,
Мир во лжи.
Внутри лили дожди и мокли лилии.
Налейте вина, эти стихи я прочитаю психам,
вроде меня.

Декабрь 2014

Она

Я присяду с тобою рядом,
Я налью себе бокал вина,
Я поставлю погромче Вивальди,
Я расскажу тебе, какой Она была.
Не надо друг, не спрашивай, которая,
Давай просто «Она», я сделаю глоток,
Побудь сегодня гостем моей драмы,
Драмы длиною уже в сотни строк.
Она вовсе не роза, как мне казалось раньше,
Она лежит в основе всех моих грехов,
Она – тоска, печаль, любовь и сука,
Она – создатель всех моих стихов.

Декабрь 2014

Скажи мне, поэт...

Скажи мне поэт, отчего ты грустишь сегодня?
Отчего ты один в эту длинную темную ночь?
Что ты хочешь услышать, поэт, в пустых коридорах
Шум дождя, шелест платья или стук её каблуков?

Вылей душу, поэт, вместе с красным
стеклянному падре,
Расскажи про любовь,
как в камине сгорают сердца,
Расскажи мне про женщин, поэт,
расскажи про разных,
Кем владел, кем дышал,
пока сердцем владела одна.

Про красавицу, добрую, нежную,
И про ту, что могла быть женой,
С той, которая самая первая,
Как ты платье срывал дрожащей рукой,

Поведай мне про музу и Лолиту,
Вспомни про святую и про б...ь,
Не лги поэт, я вижу в твоих рифмах,
Что все отдал, лишь бы её обнять.

В сердце толпы, поэт, будто бы шторм на море,
Оставь свой след, а в глубине души,
Оставь тела, сплетённые в едином стоне,
Оставь любовь над пропастью во лжи.

Декабрь 2014

Людям

Агрессия наций, перберы спущены лицами,
Теми, кого выбирали мы криком своих амбиций,
Когда люди грызутся за хлеб, скажи мне,
как тут не спиться?
А все мамы хотят для своих дочек
прекрасного принца.

Все принцы хотят принцесс с голубыми глазами,
Принцессы хотят президентов, с зелёных банкнот
что смотрят устало,
Любовь танцует приват
в разорванном красном платье,
Я видел, как девочка платит ртом под рулём Ferrari.

Я видел тела чьих-то родных на грязном кафеле,
Я видел холодные губы чьей-то молодой матери,
Я слышал, как не дышит чей-то маленький сын,
Я признавался себе,
что по-настоящему никогда не любил.

Боли с лихвою хватит.
Как после войны ребёнок не хочет плакать,
Как чья-то невеста на коленях целует мрамор,
А вместо сына домой возвращается
чёрная телеграмма.

Все люди, мы – братья!
Давайте останемся братьями, люди!
Страх придуман и соткан затем,
чтоб призвать к орудиям,
Не валите причину в себе на деяния судеб,
Выбор внутри:
адский огонь или свет прохладного утра.

Миллионы легли за небо без самолётного рёва,
Но даже сейчас чьи-то руки собирают бомбы,
Как нам подарили когда-то, давайте подарим,
Любовь без обмана,
Ружьям – цветы,
Детям – мир без оскала.

Январь 2015

Титаник

Февраль умирает медленно,
Медленный Питер, от зимы усталый,
Я стараюсь быть холодным, как гранит,
Стараюсь верным быть всем своим идеалам,
С тяжелой судьбою, Лолита курит, прожигая
взглядом,
Хватит.
Хочу послушать, как она стонет под моим одеялом,
Дорогая, я такой упрямец,
дорогая, мое сердце – айсберг,
Мысли – глянec, на худой конец стихи – удел
пьяниц,
Наша любовь была крепка, крепка, как «Титаник»,
И для двоих осколка корабля не хватит,
Я иногда вижу во сне,
Как наши сердца тихо на дно Тихого вместе лягут,
Не выходя из комнаты,
увидю, как рассвет вспыхнет, —
Бродский дурного не скажет,
Размалую сажай сырые стены души-подвала,
Я никогда не видел океана,
Но видел тоску о нём в твоих глазах усталых,
Кому-то не хватает драмы, мне не хватало накала,
Ломало с утра, когда город стал серым
без тебя, родная,
Я найду тебя по следу, где-нибудь в мае,
Выпуская стихи, как голодных овчарок стаю,
«Титаник» лежит на дне.
Давай на «вы» теперь,
Вы помните, как я читал Есенина,
приблизившись к стене?
А Вы смотрели в окно,
когда я навсегда закрыл за собой дверь.

Февраль 2015

Юле

Юля не курит,
Работает в фитнес-клубе,
У Юли – улыбка-пуля,
Суженых трупов под сто,
У Юли голос простужен,
Юле простак не нужен,
Юля сжирает сердца на ужин,
С темно-красным мерло.
«Я не леди, вы уж простите!
Знаете, леди не в моде нынче».
Я фразой лишней был неприлично взвинчен,
Был неприлично взвинчен,
Я. С поехавшей крышей.
Девочка,
Скажешь леди не в моде нынче?
 Может еще...
 Полотна да Винчи,
 Тоже
Не в моде нынче?

Фераль 2015

Один

Он лежал один в темноте,
А часы отбивали ритм,
Рифмы придумывал в полусне,
На софе, худой и небритый.

Вдруг, словно бы невзначай,
Он спросил: «Дорогая, ну как ты?»
Без неё умирал уже третий февраль,
Весь отдавший себя без остатка.

Как живёшь ты и с кем, расскажи,
Кто сжирает сейчас твои губы?
Чьи теперь ты читаешь стихи?
Девушка, или уже ты за мужем?

Чиркнет ревность о сердце ножом,
Вспыхнет жар где-то там в подреберье,
Но, пожалуйста, лучше от счастья кричи,
Чем от горя, пусть и в чужой постели.

Он закашлялся сильно, привстал,
В комнате пахло спиртным и духами,
Роз букет на столе увядал,
Не подаренный ни одной даме,

Много их на руках и губах,
Много сестер, матерей и дочек,
Но лишь одна навсегда живёт
И танцует внутри его строчек.

Осыпались на стол лепестки,
Алкоголь дарил воспоминания,
Он налил, бросил взгляд на цветы:
«Я такой же как вы – листопадный...»

Милая, я вам не нужен...

Милая, я Вам не нужен,
Дорогая, я вовсе не тот,
Кто будет Вами простужен,
И лежать у Ваших длинных ног.

И не я, дрожа от поцелуя,
Буду мокнуть под Вашим окном,
В бёдра осени золотые,
Я скорее проникну нутром.

И не я на скамейке в парке,
Буду Вас собой согревать,
Инея мне не жалко,
Вот тепла – не могу я отдать.

Не могу я отдать Вам сердце,
Ведь не помню, где его позабыл,
Ты прости мне грешное лето,
Ты запомни меня молодым.

Я воспитан под куполом серым...

Я загодя заготовлю прозу
Для девицы под стать тебе,
Моя проза подобно занозе,
Застрянет в нежной душе.

Я воспитан под куполом серым,
Там, где город дождей на Неве,
Вскормлен стихами Есенина,
Как подснежник в своей весне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.